

ДМИТРИЙ НАЗАРОВ:

Культура - 1998. - 19-25 нояб. - с. 9

Я коренник в актерской упряжке

Дмитрий НАЗАРОВ

обратил на себя внимание с первых же ролей, сыгранных им на сцене Малого театра. Ныне вот уже третий сезон он — артист Театра Российской армии, и в его репертуаре три роли: Бенедикт ("Много шума из ничего"), Ераст ("Сердце не камень"), Сатин ("На дне"). За последнюю роль он был удостоен театральной премии "Хрустальная Турандот" -98.

— Свою актерскую карьеру вы начали в Малом театре. Чем стал для вас этот период жизни?

— Малый театр — это моя огромная школа, азами которой я буду пользоваться всегда. Я считаю труппу Малого театра одной из лучших в стране, а если учитывать, что русские актеры — лучшие в мире, то это одна из лучших трупп в мире. Я не могу сказать, что был партнером этих колоссальных в полном смысле слова актеров, но, даже находясь с ними на одной сцене, я был их зрителем и поклонником. Я успел немного поиграть вместе с Ильинским и Царевым. С Хохряковым мы вообще играли одну роль — шестидесятилетнего купца Ахова в спектакле "Не все коту масленица". Я был так загримирован и заклеен усами и бородой, что в антракте зрители разбирали все бинокли, чтобы выяснить, кто действительно на сцене, так как в фойе висела моя "молодая" фотография.

Таким образом, если прибавить четыре года обучения в Щепкинском училище к пятнадцати с по-

ловиной годам работы, то получается, что я почти двадцать лет провел в Малом, за что очень благодарен судьбе.

— Параллельно с работой в Малом театре вы работали в "Сфере"...

— Екатерина Еланская, художественный руководитель "Сферы", пригласила меня сразу на интересные роли. В спектакле "Зеленая птичка" мне даже пришлось сыграть женщину, мать короля Тарталья, которого также играл я. Дебют состоялся на гастролях в Баку: не смогла приехать заболевшая актриса Савченко, и Еланская вызвала меня. Тогда еще я был без бороды и усов и поэтому в платье воспринимался просто огромной женщиной. В целом, в "Сфере" я играл главные роли и получал от этого большое удовольствие. Мой педагог Виктор Иванович Коршунов на третьем курсе училища определил мое негласное амплуа так: коренник. Когда я иду пристяжной лошадей в упряжке, мне не очень удобно, и не потому, что я чванливый или жадный. Представьте, что получится, если коренную лошадь поставить как пристяжную: она не пойдет. Наоборот, пристяжная никогда не сможет быть коренником. Так что с определением профессора Коршунова я полностью согласен.

— Так что же вас побудило оставить Малый театр и "Сферу" и перейти в труппу Театра Армии?

— Во-первых, я пришел в этот театр по приглашению его главного режиссера Бориса Морозова, с которым мы давно и тесно сотрудничаем. Во-вторых, этому способствовал тот огромный голод на настоящую режиссуру, который испытывает Малый театр, проповедуя актерскую режиссуру или отсутствие таковой вообще. Я с этим

согласиться не могу и считаю, что театр без режиссера умирает. Привлекал и ореол тех звезд, которые украшают пятиконечное здание Театра Армии, от Попова до нынешних: Зельдина, Сазоновой, Чурсиной, Касаткиной, Голубкиной, Плотникова, Крынкина, Михайлушкина...

— В чем, на ваш взгляд, специфика режиссуры Бориса Морозова?

— В том, что, помимо общего видения спектакля, энергетики, которой он заряжает всех занятых в репетиционном процессе, он владеет уникальной способностью сыграть за каждого, дать направленность каждому персонажу. Когда он предлагает какой-нибудь ход актеру, а тот отвечает, что это невозможно сделать, Морозов высказывает на сцену со словами: "Как невозможно — вот!" И в репетиционном зале раздаются аплодисменты.

— В вашем репертуаре хрестоматийная роль Сатина. Как вы относитесь к этому герою?

— Спектакль "На дне" стал для меня новым витком в постижении профессии. Когда я сыграл шестидесятилетнего Ахова, мне кто-то сказал, что я "оформил переход на возрастные роли". Для многих это означает исключительный период, а кто-то так с этим и не справляется, желая играть мальчиков и девочек до старости. В этом заключается одна из актерских трагедий, так как не всем дано "перейти". Для меня Сатин — это следующий этап серьезного разговора о человеке.

— А какое вообще должно быть у актера отношение к своим ролям?

— Во время репетиционного процесса, и тем более перед выпуском спектакля, необходимо как можно ближе сойтись со своим

персонажем и меньше отвлекаться на семью, заработки и вообще на постороннюю жизнь. Есть также и еще одно обстоятельство: мы не всегда играем то, что хотим и что нам близко. Играть большую, но не "свою" роль под силу только настоящему профессионалу. Хорошо, когда все сходится: и желание играть, и наличие соответствующей роли — это счастье. Я сейчас нахожусь именно в этой счастливой полосе жизни.

— Существует ли опасность в актерской профессии?

— Опасностей много: это и звездная болезнь, и ее противоположность — отсутствие успеха. Ужасно, когда актер не востребован, когда он не нужен. Встречается, однако, и такая ситуация, когда средний актер с помощью какой-либо протекции востребован — это скрытая трагедия. Иногда даже сам актер об этом не догадывается, потому не может остановиться, взяв себя в руки. Идеальный вариант, когда востребован хороший артист. Но театральные училища выпускают ежегодно огромное количество актеров. Если больше трех из них становятся известными — это фантастическое событие. Примером такого можно назвать очень мощный курс Николая Александровича Анненкова, на котором учились Виталий Соломин, Виктор Павлов, Олег Даль, Михаил Кононов и Вячеслав Барышев.

— Есть ли у вас жизненное кредо?

— Есть. Его очень хорошо сформулировал Ницше: "Если у тебя не осталось ни одной лестницы, залезай на собственную голову. Как иначе ты сможешь взобраться наверх?"

Беседу вел
Александра КОРНЕЕВА